

ПРОФ. ДР ЛАРИСА И. РАЗДОБУДКО ЧОВИЋ¹

Универзитет у Приштини с привременим седиштем у Косовској Митровици,
Филозофски факултет, Катедра за руски језик и књижевност

СОЦИОКУЛТУРНА ИНФОРМАТИВНОСТ СРЕДСТВ НЕВЕРБАЛНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК ДРАМЫ А.П.ЧЕХОВА «ДЯДЯ ВАНЯ»)

Аннотация. Целью настоящей работы являлся не анализ достоинств и недостатков перевода на сербский язык драмы А.П.Чехова *Дядя Ваня*, а желание помочь сербским студентам, изучающим русский язык, в понимании социокультурной информативности средств невербальной коммуникации в ремарках пьесы *Дядя Ваня*, которая, по нашему мнению, способствуют углублению знаний студентов о русской культуре. В настоящей работе представлен сравнительный анализ средств невербальной коммуникации представителями разных культур, в данном случае русских и сербов, а также разную оценку одних и тех же реалий с учётом различий в фоновых знаниях на материале перевода ремарок этой драмы на сербский язык.

Ключевые слова: перевод, эквивалентные, неполноэквивалентные, безэквивалентные ремарки, средства невербальной коммуникации.

Среди традиционных видов обучения переводу с родного языка на иностранный, таких как историко-генетический, грамматический, системно-целостный особое место занимает культурологический анализ текста, позволяющий структурировать определенный фрагмент картины мира, в данном случае, в русской и сербской традициях. При культурологическом анализе переводимого тек-

¹ lrazdobudko@mail.ru

ста на занятиях по переводу как с русского языка на сербский, так и с сербского на русский особое внимание следует обратить на социокультурную информативность средств невербальной коммуникации, которая различна даже в близкородственных языках. Культурологическая сторона межличностных контактов играет важную роль в успешной коммуникации, поэтому в процессе преподавания языка нельзя игнорировать мимику и символику жестов.

Коммуникация способствует выявлению различий в понимании, которые связаны с существованием специфических для каждой культуры способов кодирования культурных феноменов, к которым относится «язык тела». Самые простые примеры в этом плане – это различия в структуре знакового пространства с точки зрения отправителя и получателя информации. Структура представлений об одном и том же событии, предмете, явлении может разительно не совпадать у разных культурных сообществ. Даже при наличии сходного опыта одни и те же факты могут восприниматься и оцениваться по-разному. В этом плане важно для изучающих русский язык или сербский как иностранный знать специфичности, присущие средствам невербальной коммуникации, в данном случае находящиеся в ремарках. Сопоставить социокультурную информативность, прагматические особенности и культурно-традиционную дифференциацию средств невербальной коммуникации в пьесе А.П.Чехова «Дядя Ваня» (Чехов, 1921: стр.3-70) представителями разных культур, в данном случае русских и сербов, а также разную оценку одних и тех же реалий культуры и быта² с учётом различий в фоновых знаниях на материале ремарок этой драмы и их перевода на сербский язык – одна из основных задач данного исследования.

Следует напомнить, что у сербских переводов драм Чехова столетняя история. Еще в конце 80-ых годов XIX в. были переведены на сербский язык его пьесы. При жизни Чехова, то есть до 1904 года. В сербской периодике можно было насчитать до 400 наименований его произведений. Чаще всего переводились его юмористические и сатирические рассказы, а также рассказы для детей и о детях. Подробное описание истории переводов Чехова в Сербии, а также анализ

² Интересен перевод некоторых реалий русского застолья на сербский язык. В переводе Тарановского слово "водка" везде передается как "ракия", и это, без сомнения, сербизация текста, продиктованная тем, что в начале 20 века водка еще не получила широкого распространения среди сербов. Что касается слова "сыр", переводчик переводит его как "сир" /брынза/. Точный переводческий эквивалент продукта, которым Соня кормит ночью доктора Астрова, это "качкаваль". Бесспорно, в сербской кухне брынза употребляется чаще, чем сыр, но, по нашему мнению, это случай той же сербизация и его надо избежать. В первом действии пьесы Войницкий жалуется на новый ритм жизни, установленный в имении, и говорит: "За завтраком и обедом ем разные кабули, пью вина..." В переводе слово "кабули" пропущено. Для современного читателя, однако, его нужно объяснить в сноске. В двуязычных русско-сербских словарях это слово отсутствует. В "Словаре русского языка в 4-х томах" /М., изд. "Русский язык", 1984/ слово толкуется следующим образом: "острый соус из сои и различных специй, употребляемый как приправа к кушаньям" /по названию г. Кабул в Афганистане/. Очевидно, Чехов использует данное слово, чтобы иллюстрировать предвзятость, необычайность меню, навязываемого семьей Серебряковых, и то, что слово не объясняется, приводит к неясности текста для сербов.

его произведений дан в работах сербского русиста Зорана Божовича, который отмечает, что первое упоминание о Чехове-драматурге появилось у сербов в 1894 году, а первые переводы его одноактных пьес - только в последнем году XIX века (Божович, 1985, 1988). При жизни писателя на сербской сцене поставлены *Медведь* в Нови-Саде в 1901 году и в Мостаре в 1903 году, а *Предложение* - в Мостаре в 1904 году. Премьера *Лебединой песни* в Белградском народном театре была в 1904 году уже после смерти писателя. В 1913 году в Белградском народном театре состоялась премьера пьесы *Дядя Ваня*, в постановке Л.И. Андреева. Спектакль *Дядя Ваня* со дня первой своей постановки в МХАТ-е в 1899. году до настоящего времени – один из самых популярных на сценах всего мира (Бабовић, 1994: стр. 71–94). Первые издания на сербском языке пьесы *Дядя Ваня* - плод переводческого дела Зорки Велимирович.

Сравнительный анализ в нашей работе осуществлен на одном из самых лучших переводов *Дяди Вани*, сделанным Кириллом Тарановским (Чехов, 1994: стр.5-72). Как в любом драматическом тексте, так и в драме *Дядя Ваня* коммуникация персонажей происходит почти непрерывно и протекает в реальном времени. Ситуация общения здесь имеет первостепенную роль. Это психологические, социальные и другие факторы (возраст, статус, пол, взаимоотношения собеседников), а также время и место протекания общения. При устном общении ситуация состоит из интонации, жестов, содержания предшествующих фраз. Однако писатель-драматург ограничен в средствах повествовательного изображения; авторская речь сводится к авторским ремаркам, которые могут содержать краткое описание места и времени действия, объяснить ситуацию, охарактеризовать действующих лиц, чтобы помочь читателю включиться в действие и участвовать в судьбе персонажей (Бердникова, Уманская, 2000: стр.32). Мария Васильевна Войницкая – в основном молчит и читает французские романы, телегин игоает на гитаре, Марина, старая няня, – все время вяжет носки или мотает клубок шерсти, а профессор Серебряков – постоянно повторяет: „Надо работать!“ (Ивлева, 1995: стр.124-125).

Ремарки, выраженные средствами невербальной коммуникации, как правило, репрезентируют лексику номинирующую эмоции персонажей и чаще всего состоят из одного слова: «испуганно» - с.22, «растроганный» – с.23, «смеясь» – с.37. и т.д., но могут описываться и в более сложных ремарках: *Марина* («подходит к Серебрякову, нежно с.23): - Что, батюшка? Больно?...» В данной ремарке наблюдается совмещение кинесики («подходит к Серебрякову») и эмоционального компонента (наречие «нежно»). Или *Соня* («Становится перед ним на колени и кладет голову на его руки; утомленным голосом»). Мы отдохнем! Мы отдохнем! /.../ Я верую, верую... («Вытирает ему платком слезы»). Бедный, бедный дядя Ваня, ты плачешь. («Сквозь слезы»). Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнем. («Обнимает его»). Мы отдохнем! – с.69

Приведем один пример совмещения кинесики и эмоционального компонента, так как у нас в корпусе их наибольшее количество, что вполне естественно, - ведь основная функция средств невербальной коммуникации, как мы уже отмечали, - выражение эмоций. Так, в следующем диалоге с помощью ремарок можно легко проследить быструю смену эмоций - отношение героини к предмету разговора - сначала неоправданно радостное («Смеется от счастья» – с.32), затем - напряженное, переходящее в отчаяние. Она хочет, но не может повлиять на ход событий. Ощущение собственного бессилия мучительно для героини, и она, стремясь сделать хоть что-нибудь, реализует жестовое движение, испытывая сильную отрицательную эмоцию - страх и тоску и т.д. («Ломая руки» – с.32): Соня (одна) Он ничего не сказал мне... Душа и сердце его все еще скрыты от меня, но отчего же я чувствую себя такой счастливой? («Смеется от счастья»)... А когда я сказала ему про младшую сестру, он не понял... («Ломая руки) О, как это ужасно, что я некрасива...: стр.32.

Таким образом, из приведенных выше примеров видно, что ремарки могут пересекаться и образовывать смешанные группы: эмоционально-кинетические, персонифицирующая кинесика (т.е. когда характер персонажа передается с помощью его жестов и мимики, которые ему присущи) и эмоциональные персонификаторы. Нас, как мы уже отмечали выше, интересуют ремарки, выраженные средствами невербальной коммуникативной деятельности человека: определенные свойства общей моторики, преимущественно движения тела, головы, лица, рук и кистей рук, то есть и жесты, и мимика, и позы, и взгляд, и расстояние между собеседниками, и прикосновение, и интонация и т.п.

В данной работе делается попытка сопоставительного анализа эквивалентных, неполноэквивалентных и безэквивалентных ремарок средствами невербальной коммуникации на материале, как мы уже отмечали выше, перевода пьесы А.П.Чехова «Дядя Ваня» Кириллом Тарановским на сербский язык.

Итак, у россиян и сербов очень много общих средств невербальной коммуникации, но есть и целый ряд типично русских и типично сербских. Россияне и сербы, например, жестикулируют больше, чем народы Дальнего востока, но меньше чем, например, итальянцы и испанцы.

Русский жест “щелкать пальцем по шее” в значении “приглашение выпить” или “пьяный” не имеет эквивалента у сербов и мало кто его понимает. Поэтому жесты часто нуждаются в «переводе».

По форме и значению русские и сербские средства невербальной коммуникации можно разделить на следующие группы:

1. *Эквивалентные средства невербальной коммуникации.* По мнению некоторых ученых, многие жесты носят интернациональный характер.. Некоторые даже считают, что многие жесты являются биологически обусловленными и имеются даже у животных (Григорьева, Григорьева, Крейдлин, 2001).

Благодаря интернациональному характеру в русском и сербском есть эквивалентные жесты. Например, жест “целовать себе, собранные вместе, кончики пальцев” у русских и сербов означает восторг. С другой стороны, аплодисменты - в знак одобрения, свист и топот - в знак неодобрения, большой палец поднимают в знак высокой оценки или при голосовании на дорогах и др. имеют интернациональный характер.

Что же касается ремарок, выраженных средствами невербальной коммуникации, то следует отметить, что эмоциональные ремарки и ремарки-персонификаторы в большинстве случаев являются **эквивалентными**.

(Ср. эмоциональные ремарки (*Войницкий* («мечтательно» - с.7) - *Војници* («као да сања» - с.11); *Войницкий* («Нервно» - с.8) - *Војници* («Нервозно» - с.11); *Телегин* («плачущим голосом» - с.9) - *Телегин* («плачним гласом» - с.12); *Войницкий* («с досадой» - с.9) - *Војници* («јейко» - с.12); *Соња* («нежно» - с.11) - *Соња* («нежно» - с.11); *Войницкий* («смеясь» - с.15) *Војници* («смејући се» - с.18) *Елена Андреевна* («с тоской» - с.37) - *Јелена Андрејевна* («Са чежњом» - с.39); *Елена Андреевна* («с гневом» - с.38) - *Јелена Андрејевна* («љуишићо» - с.40); *Соња* («в сильном волнении» - с.40) - *Соња* («веома узбуђена» - с.42)) и

ремарки-персонификаторы (*Соња* («становится перед няней на колени и прижимается к ней» - с.54) - *Соња* («клекне пред гадильом и приије се уз њу» - с.56); *Марина* («глядит ее (Соню) по голове» - с.55) - *Марина* («милује је (Соњу) по глави» - с.57); *Марина* («низко кланяясь» - с.68) - *Марина* («Клања му се **губоко**» - с.70); *Марина* («Целует Серебрякова в плечо» - с.22 - *Марина* («Љуби Серебрјакова у раме» - с.25),

интродуктивные (*Войницкий* («выходит из дома...») - *Војници* („излази из куће...“),

и даже кинетические (*Соња* («пожимая плечами» - с.37) - *Соња* («слеже раменима» - с.39); *Войницкий* («не пускает ее» - с.38) - *Војници* («не пушта је» - с.40); *Войницкий* («Целует руку» (Елене Андреевне) - с.38) - *Војници* («Љуби јој руку» (Јелени Андрејевној) - с.40); *Соња* («Кладет ей (Елене Андреевне) голову на грудь» - с.39) *Соња* («Сјуишиа јој (Јелени Андрејевној главу на груди» - с.41); («*Соња* утвердительно кивает головой» - с.40) - («*Соња* појврдно клима главом» - с.42); *Астров* («пожимает ей руку» - с.41) - *Асиров* («сјеже јој руку» - с.44); *Астров* («Пожав плечами» - с.45) - *Асиров* («Слеже раменима» - с.47).)

2. *Неполноэквивалентные средства невербальной коммуникации*. Это чаще всего **кинетические** средства невербальной коммуникации, реже **ремарки-персонификаторы**. Среди кинетических можно выделить две группы: (1) жесты, которые сходятся по форме и расходятся по значению (на пример, пожатие плечами: Пожатие плечами у большинства народов означает “не знаю”. Но у сербов – еще и знак нерешительности или *невольного согласия*) и (2) те, которые сходятся в значении (напр., приветствие), но расходятся по форме (у рус-

ских и сербов это поднесение руки к виску (шляпе). Однако у сербов поднесение руки к виску означает и успешное завершение работы.

Или, к примеру, жест «*закрывать лицо руками*» используется преимущественно женщинами в речевой коммуникации, когда жестикулирующий плачет, испытывает горе, смущение, стыд. Данный жест предназначен для того, чтобы скрыть именно проявление эмоции, а не саму эмоцию: скрывают обычно слезы (как проявление горя) или покраснение щек (как проявление стыда), а не сами эмоции горя или стыда. Это обусловлено факторами воспитания: этикет предписывает сдерживать проявление некоторых эмоций в присутствии других людей. На исследуемом материале зафиксированы следующие номинации данного жеста в ремарках при описании не только у женщин, но и у мужчин, например: *Войницкий* («*закрывает лицо руками*» - с.59) *Стыдно!* – *Војници* («*йокрива лице рукама*» - с.59). *Астров* («*Закрывает глаза рукой и вздрагивает*» - с.32) - *Астров* («*йокрива руком очи и сїреса се*» - с.34)

Вместе с тем, в ремарке *Соня* («*смеется, закрыв лицо*» - с.36) - *Соња* («*смеје се йокривши лице рукама*» - с.38) сербам кажется странным, когда люди закрывают лицо руками от счастья.

Или в ремарке: *Астров* («*Подбоченясь, тихо поет*» - с.26) - *Асїров* («*Подбочивши се, йтихо йева*» - с.29) сербы ожидают конфликтную ситуацию, так как поза «подбочениться», являющаяся также типичным женским жестом-реакцией на некоторые неприятные, затрагивающие жестикулирующего, действия адресата, употребляется в эмоциональном состоянии гнева. Однако в драме – это знак хорошего настроения Астрова.

Нет у сербов и «крепких» поцелуев: *Војници* («*йойло љуби руку Јелени Андрејевној*» - с.68) вместо («*крепко целует руку у Елены Андреевны*» - с.65)

А, скажем, дословный перевод ремарки: *Соня* («*утирает глаза*» - с.66) – как («*брише очи*» - с.68) вряд ли является успешным, так как по законам сербского языка это словосочетание *брисајши сузе*.

Или: *Войницкий*, стараясь хорошо выглядеть, «*поправляет свой щегольский галстук*» – с.5, что не совсем адекватно в переводе – «...*намешїа своју елеґанїїну машину*» - с.9 - *елеґанїїну* вместо – *кицошку*.

Интересно отметить, что в результате сравнения оригинала и перевода выясняется, что те качества, которые высоко оцениваются членами, например, русского культурного сообщества, остаются вне культурного сознания или даже оцениваются отрицательно представителями сербской культуры. Так, Елена Андреевна и Соня в знак перемирия пьют брудершафт целуются (Ср. Ремарки - «*Пьют и целуются*» - с.33 – «*Пију и љубе се*» – с.36). В телевизионной драме в постановке польского режиссера Йежи Анчака (1970) для белградского телевидения восприятие сербами русских как «*ьет как русский*» наложило свой отпечаток: на протяжении почти всего второго действия героини «вдруг» ни с того ни

сего не выпускают бокалы из рук и постоянно пьют; чего, конечно же, нет в драме Чехова и не типично для русских интеллигентных и образованных женщин. По-видимому, это интерпретация польского режиссера Йежи Анчака, его „прочтение“ Чехова.

3. *Безэквивалентные средства невербальной коммуникации.* Они присутствуют только в одном языке. В нашем материале это только **смешанные эмоционально-кинетические ремарки**. Русский жест “щелкать пальцем по шее” в значении “приглашение выпить” или “пьяный” не имеет эквивалента у сербов и мало кто его понимает. А у сербов, например, если ладонью одной руки ударить по внутренней части локтя другой руки, то это верный признак грубого несогласия с собеседником и его доводами, а у русских – «сделать нос». У русских такой жест не очень типичен, но зато у итальянцев и у других народов в несколько измененном виде есть, и в таком же значении, как у сербов. Но, с другой стороны, жест “целовать себе кончики пальцев, собранные вместе”, как уже было сказано, и у русских и у сербов означает восторг. А китайцам и японцам он неизвестен. Он для них относится к безэквивалентной лексике и нуждается в переводе.

Характерно, что представители разных культурно-языковых сообществ не всегда осознают несовпадение в структуре восприятия феноменов культуры, но различия в оценке обнаруживаются сразу и могут явиться источником коммуникативных неудач и межкультурных конфликтов.

Например, в драме Астров (*«Целует ее (няньку) в голову»*) или Астров (*«идет к няне и целует ее в голову»*) - с.67. В Сербии в знак уважения и выражения любви старым людям принято целовать руку. В переводе Кирилла Тарановского - Астров (*«Љуби је (гадильу) у косу»* – рус. волосы с.8) или Астров (*«Прилази гадильи и љуби је у косу»* - рус. волосы с.70. У сербов целуют не в голову, а в щеку. Поэтому весьма неестественно в финале перевода драмы растроганная Елена Андреевна, прощаясь с Войницким, (*«Целует его в голову и уходит»*) - с.65 - *«Љуби га (Войницкоџ) у чело»* рус.- лоб и излази с.68).

В заключении напоминаем, что целью настоящей работы являлся не анализ достоинств и недостатков перевода на сербский язык драмы А.П.Чехова «Дядя Ваня», а желание помочь сербским студентам, изучающим русский язык, в понимании социокультурной информативности средств невербальной коммуникации в ремарках пьесы "Дядя Ваня", которая, по нашему мнению, способствуют углублению знаний студентов о русской культуре.

ЛИТЕРАТУРА

Бердникова, Уманская, 2000: Бердникова Л.П., Уманская М.Б. (2000). *Прагматика авторских ремарок в тексте английской пьесы*. В.: Вопросы романо-германской и русской филологии: сборник науч. статей, Пятигорск, ПГЛУ.

- Григорьева, Григорьева., Крейдлин, Григорьева С.А., 2001: Григорьева Н.В., Крейдлин Г.В. (2001). Словарь языка русских жестов, Москва - Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах.
- Ивлева, 1995: Ивлева Т.Г.(1995). *Марина вяжет чулок, Телегин играет на гитаре*: О смыслообразующей роли ремарки в пьесе А.П.Чехова *Дядя Ваня*. //Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. - Тверь.
- Крейдлин, Крейдлин, 2001: Крейдлин Г.В.Крейдлин (2001). Г.В. *Кинесика //Словарь языка русских жестов*. - Москва-Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах.
- Чехов, 1921: Чехов А.П.(1921). *Дядя Ваня. Сцены из деревенской жизни в четырех действиях*. – Берлин: Издательство «Слово».
- Чехов, 1994: Чехов А.П., (1994). *Ујка Вања*. С руског превео Кирил Тарановски, Београд, гутенбергова Галаксија,
- Божович, 1985: Воџовић З. (1985). *Ћехов као драмски писач код срба*. Београд, Филолошки факултет Београдског универзитета.
- Божович, 1988:Воџовић З.,(1988).*Ћеховљева приповетка и српској књижевности*. Београд, Филолошки факултет Београдског универзитета.

Лариса И. Човић Раздобудко

СОЦИОКУЛТУРНА ИНФОРМАТИВНОСТ СРЕДСТАВА
НЕВЕРБАЛНЕ КОМУНИКАЦИЈЕ У РУСКОМ И
СРПСКОМ ЈЕЗИКУ (НА ПРИМЕРУ ЧЕХОВЉЕВЕ
ДРАМЕ „УЈКА ВАЊА”)³

Резиме

У овом раду извршена је упоредна анализа средстава невербалне комуникације код Руса и Срба на примерима дидаскалија из драме А.П. Чехова «Ујка Вања». Посебна пажња је усмерена на културну компоненту средстава невербалне комуникације. Она је често узрок постојања разлика међу дидаскалијама које су изражене уз помоћ средстава невербалне комуникације код Руса и Срба. Уочена су еквивалентна средства невербалне комуникације: то су емоционалне дидаскалије и дидаскалије-персонификатори. Што се тиче разлика, оне су присутне у највећој мери код кинетичких дидаскалија и код безеквивалентних средстава невербалне комуникације. У том случају ради се о мешовитим емоционално-кинетициким дидаскалијама.

Кључне речи: превод, еквиваленти, средства невербалне комуникације.

³ Рад је примљен 24. октобра 2012, а прихваћен за објављивање на састанку Редакције Зборника одржаном 19. децембра 2012.